

КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЛАТВИЯ И РОССИЯ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ. КТО МЫ:
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПАРТНЁРЫ».
Июнь 2000г., Юрмала, Латвия.

Юргенс Игорь (Россия) – член Президиума Совета по внешней и оборонной политике, президент Всероссийского союза страховщиков

**ЛАТВИЙСКО–РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И
РЕШЕНИЯ**

Начну с более общего вопроса – какова, собственно, позиция Совета по внешней и оборонной политике в отношении экономики России в целом и ее интеграции в мировое пространство? Только на этом фоне я вижу возможность сказать, что мы думаем о латышском секторе этой интеграции.

Я могу с уверенностью констатировать, что экономика России стала гораздо более открытой для международной торговли и международных потоков капитала. Это оказалось для нашей экономики очень серьезной проверкой на прочность. После эпохи многолетнего планирования из центра такая открытость была чревата потерей целого ряда секторов в национальной экономике, что произошло в масштабах страны. Но могу твердо сказать, что даже после такого испытания, как кризис августа 1998 года и, фактически, четырехкратной девальвации рубля – почти суверенный дефолт – экономика не рухнула. Более того, эта девальвация сказалась положительно на отечественном производителе, секторах промышленности, сельского хозяйства и сфере услуг. В прошлом году валовый национальный продукт вырос по различным оценкам от 4 до 8 %.

Темпы роста в промышленности в отдельных секторах составляли до 20 %. Как президента Всероссийского союза страховщиков могу сказать, что наш сектор после инфляции уже дал 129 % роста за 1999 год, а в первом квартале эта цифра удвоилась. Конечно, страхование вторично по отношению к экономике реального сектора, но это прекрасный показатель реального развития и его темпов.

Тут сказались многие факторы. Экономика России коснулась дна после 50–процентного провала за 10 лет. Сказалось и падение цен на нефть и последовавший дефолт. Однако сейчас можно говорить о некоторых признаках стабильности – оживление в реальном секторе и во вторичном секторе абсолютно очевидны.

Самое отрадное, что пошел капитал. Я не говорю даже про прямые инвестиции зарубежных партнеров, которые исчисляются небольшими цифрами по российским масштабам, это 6 – 8 млрд. долл. по сравнению, скажем, с 30 млрд. для коммунистического Китая, которому, вроде бы не полагается получать капиталистические инвестиции и так далее. Пошел капитал, вложенный российскими предпринимателями и частными лицами за границей, уведенный через оффшоры, складированный и инвестированный на «черный день».

Я сейчас отвлекаюсь от вопроса криминалитета и мафиозной части этого капитала. Это особая тема, которую мы обсудим отдельно, в том числе на этом форуме. Обсуждение ее понадобится и нам и вам при вступлении в ЕС и при присоединении к таким организациям, как Интерпол и Европол. Но сейчас я хочу сказать о том, что пошел капитал тех граждан и предпринимателей – крупных и мелких, которые в ожидании самого худшего вкладывали свои деньги за пределами Российской Федерации. Теперь эти деньги путем различного рода трастовых соглашений, консолидации вложений через оффшоры, возвращаются в Россию довольно быстрыми темпами, и составляют неплохой инвестиционный потенциал.

Отраднo, что в нынешней Думе есть люди, занимающиеся экономическим сектором, которые понимают, что не полицейскими методами, а только привлечением этого капитала можно добиться возвращения тех астрономических сумм, которые были вывезены из России. Собственно темп вывоза по–прежнему высок. По данным правоохранительных органов и Министерства экономики, это где–то 20 млрд. долл., но они, повторяю, возвращаются. И комитет по бюджету, комитет по финансам, возглавляемые очень прогрессивными экономистами Жуковым и Шохиним, разрабатывают сейчас различного рода схемы финансовых амнистий. С моей точки зрения, самое простое было бы объявление амнистий на любую сумму, вновь легально вложенную в российскую экономику российским гражданином, физическим или

юридическим лицом с 13– процентным налогом. Как ты их заработал 10 лет назад – твой вопрос. Если ты не преступник и если против тебя нет уголовного дела, вези эту сумму, вложи в российскую экономику, заплатив 13% налога, как, собственно говоря, сейчас и предусматривается на любой капитал.

Сейчас мы реально подступаем к решению этого вопроса. Правительство Примакова уже разрабатывало 2–3 схемы, но у них не хватило времени. Кроме того, глубина проработки была недостаточной. Сейчас, по–моему, люди к этому готовы. Безусловно, политическая стабильность также будет одним из факторов для подобной реинвестиции российских капиталов за границей.

Государство будет играть существенную роль во всем этом процессе: и в восстановлении экономики и в ее интеграции. Без государства на 11–часовых поясах никакая предпринимательская инициатива, объединения предпринимателей, олигархи, квазиолигархи ничего сделать не смогут. Мы против того, чтобы государство брало на себя слишком большие обязательства. Мы этого боимся. Как предприниматели мы бы этого не хотели. Но индикативное планирование, распространенное во всем мире, а не императивное, как это было в советские времена, абсолютно необходимо.

Предприниматели, сидящие здесь, в зале, знают, что любое самое либеральное правительство обладает 6–7 классическими рычагами такого индикативного планирования: налоги, закупки, нормы амортизационных отчислений, операции с финансовым капиталом, экспортные поощрения, таможенная и тарифная политика. Вот те инструменты, которыми правительство любой страны, оперируют на своем рынке и индикативно планируют свою экономику. Поэтому в перспективе мы видим, безусловно, возрастание роли государства именно в таком индикативном планировании и очень бы хотелось, чтобы люди, которые им займутся, были профессионалами в своем деле, политически не ангажированными, что, в какой–то степени, сейчас и происходит, что вселяет определенный оптимизм.

России, именно в рамках такого индикативного планирования и доктрины национального возрождения, необходимо четко установить государственные приоритеты и выбрать отрасли, которые способны служить локомотивами ускоренного развития.

У нас сохраняются преимущества, и это трезвый анализ, в таких отраслях, как ракетно–космическая и авиационная, ядерная энергетика, лазерные технологии, сверхвысокочастотная электроника, биотехнология, геновая инженерия. И вы знаете, что российские программисты и разработчики программного продукта для ЭВМ – это тоже товар и очень дорогой товар. Поэтому, эти отрасли должны быть локомотивом будущего развития России, а не эксплуатации природных ресурсов, существующих, но стареющих основных фондов. Необходима инновационная модель, которую мы как Совет по внешней и оборонной политике, будем отстаивать.

Для этого нужна, конечно, открытость. Инновационная экономика не может быть экономикой закрытой. Таким образом, открытость России подразумевает поведение по правилам, существующим в большом мире.

Эти правила могут нам нравится или не нравится, но к ним надо адаптироваться. В первую очередь – это режим наибольшего благоприятствования. Это означает, что мы свои инвестиции, товары, услуги, транспорт – все должны привести в соответствие с принятыми в мире стандартами. Вчера мои коллеги–политики вроде бы продекларировали, я с ними полностью согласен, что мы хотим жить, скорее, как европейцы. Хотя у меня, как у человека, работающего в большой экономике, возникает при этом вопрос: если мы говорим о глобализации – то, что такое жить по европейски? А чем хуже, скажем, модель японская и можно ли игнорировать китайцев, которых скоро у нас будет 2 млрд.? Тут я не готов спорить, куда нам надо идти, но то, что надо жить, как остальной мир – вопроса в этом нет.

Существуют некоторые правила этой игры, о которых я упомянул. И чтобы не выдумывать велосипед, России придется пройти через, как минимум, две крупнейшие интеграционные модели, без которых не обойтись. Первая – это Европейский союз, куда вы стремитесь. И мы стремимся. И вчера было правильно заявлено, что эстонско–латвийско–литовский мост в это Европейской сообщество – это большое благо для России.

Но хочу, однако, сказать коллегам, что в 1994 году, когда на Корфу, в Греции Борис Николаевич Ельцин одним махом подписал соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, предполагалось, что, скажем, 21 июня 1999 года Россия

полностью откроет многие сектора своей экономики и предоставит национальным предпринимателям право национального оператора, соответственный тариф и так далее.

Предполагалось, что за эти пять лет будет сделан целый ряд шагов на уровне законодательной и исполнительной власти, которые приблизят нас к практике Европы. Ничего этого сделано не было. В 1999 году открыться мы не смогли. Переговоры на этот счет идут в общей сложности восемь лет. И я хочу ответственно заявить, что по ряду направлений до 80 законов, чуть ли не 2/3 Конституции, надо менять для того, чтобы соответствовать Европе. Здесь нет недоброй воли России. Здесь есть огромная инерция и наши реалии. Потому что невозможно, например, в одночасье сделать европейским предпринимателем человека в Урюпинске, который работает по нашим правилам бухучета и по нашим правилам аудита. И делает он это в точном соответствии с российскими законами, которые совершенно не соответствуют европейским реалиям.

Восемь лет идут переговоры и о присоединении к Всемирной торговой организацией. Для членства в этой организации у нас не хватает 80 различных законодательных актов, чтобы ликвидировать противоречие с международными обязательствами, которые должна взять на себя Россия. ВТО насчитывает 135 членов, а 30 стран ведут переговоры о вступлении. И мы понимаем, что, сделав этот шаг, мы выигрываем – антидемпинговое законодательство, квотирование, лицензирование и т.п. не будут к нам применяться. То есть, если мы присоединимся к ВТО, мы будем выигрывать, по подсчетам Министерства экономики, около 1.5 млрд. долл. в год.

Статья 5 Генерального соглашения о торговле и тарифах говорит о том, что транзит газа и энергоносителей должен облагаться по низким ставкам. А мы пересекаем 15 границ, прежде чем наш газ дойдет до Рура. Но нам предстоит тогда снизить средний российский тариф с 12,7 % на все ввозное – до 7–8 %, то есть на 5%. При снижении цен на импорт в Российской Федерации на 1% их ввоз увеличивается тут же на 2 %. Импортный товар, особенно продовольствие и изделия легкой промышленности, по-прежнему, в силу объективных причин хорошо принимается российским потребителем. Снижение тарифов на 5 %, по нашим подсчетам, увеличит ввоз из стран Запада, например, товаров легкой промышленности на 26–27 %, то есть на треть от нашего собственного рынка. Пищевой – примерно на 20 %. Именно здесь, в этих двух отраслях, в точном соответствии с марксистским анализом идет рост. Группа «А», как вы помните, всегда должна опережать группу «Б», чтобы накопить капитал и вложить в группу «А». Если мы делаем все в одночасье, то подрываем национальный рынок и национальный источник инвестиций, мы переходим в категорию зависимой экономики. Отвлекаясь немножко от темы, я готов представить, что малые страны согласились бы иметь зависимые экономики. Потребителю ведь все равно – чью продукцию потреблять. Но политическая независимость такой страны будет кардинальным образом разбалансирована. Я не хочу вторгаться в эту сферу, но могу вам ответственно сказать, что много разговаривал с коллегами из Венгрии и там, где потерян национальный сектор страхования или финансовых услуг, представитель в Венгрии такой группы как «Альянс» может позвонить премьер-министру и продиктовать направления экономического и политического развития этой страны. Россия не то, что не может, а ее никто и не примет в такую категорию стран, даже если бы она этого захотела.

Хочу подчеркнуть это для политиков. Потерю возможности независимого национального саморазвития российский предпринимательский класс не приемлет и чувствует за собой достаточную силу для осуществления национального алгоритма развития. И это притом, что все мы хотим именно интеграции и инвестиций.

Особенно глубоко этот процесс затронет нашего, да и вашего сельскохозяйственного производителя. Крупные страны, как США и Канада, например, действуя в рамках объединений ЕС и, особенно ВТО, защищены. Таковы правила игры, что у них есть свои двухсторонние ограничения, которые никогда ими не снимаются.

Нам, предположим, ставится тариф 7 % на ввоз того или другого продукта, а канадцы, скажем, 200 % таможенной пошлины на яйцо держат, и никто им, никакая ВТО, не указ. Американцы держат, приблизительно, – 200 % на сахар. Когда-то это, видимо, принималось из-за близости Кубы, но было сохранено на долгие времена. И так будет в дальнейшем – поэтому, когда мы собираемся интегрироваться в это сообщество, нам надо понимать, на что мы идем.

Сейчас Россия готова сделать, несмотря ни на что, решающие шаги, для того чтобы продвинуть переговоры и с ЕС, и с ВТО. В то же время мы заинтересованы в том, как ни парадоксально и ни обидно, чтобы нас там квалифицировали как развивающуюся страну. Потому что тогда нам будет предоставлен переходный период в восемь лет для адаптации и снятия различного рода собственных национальных препятствий. А если мы будем признаны развитой страной, это имеет определенные преимущества, но тогда все свои процедуры надо привести в соответствие за два года. Это совершенно нереально.

Что нам предстоит сделать за восемь лет?

Первое. Простимулировать собственный рынок всеми возможными инструментами, о которых я говорил выше. В первую очередь налоги, закупки и тому подобное.

Второе. Усилить нормальный госконтроль за тем, как национальный сектор экономики эти рычаги использует и потом, действительно, интегрироваться. Однако за последние годы сменилось пять правительств и, соответственно, пять раз приходилось все заново проигрывать с очень неповоротливой бюрократической машиной. Нам предстоит все это сделать таким образом, чтобы синхронизировать этот процесс с ближайшими соседями, что, на мой взгляд, необходимо. Иначе – черный рынок. Иначе – некачественный лоббизм. Иначе – многие другие сложности. И на этом пути, одними из самых первых и самых логичных наших партнеров и, если хотите, социальных лабораторий, являются, конечно, страны Балтии, и в первую очередь Латвия.

Почему в первую очередь Латвия? Как страховщик, я прослеживаю одну тенденцию, которая характерна именно для Латвии, а не характерна для Литвы и Эстонии. Вы по-прежнему пытаетесь пробовать вступить в Европу, сохранив собственный сектор, лицо и определенные экономические преимущества, которые географически и исторически в Латвии есть. То есть, если эстонский страховой рынок уже на 90 % принадлежит зарубежным компаниям, то в Литве этот показатель – 70, а в Латвии – 40 %.

Также обстоит дело и в целом ряде других секторов. А это значит, что есть жизненная сила, витальность, ресурсы, ум и возможности войти в Европу, сохранив свои позиции на своей собственной территории. Поэтому мне кажется, что Латвия для нас в этом отношении, хотя и трудный политический, но и очень интересный экономический партнер.

Что у нас здесь наблюдается? В первую очередь, и это мы вчера слышали от уважаемого мэра города Вентспилса, я с ним полностью согласен, надо внимательно рассмотреть наши транзитные возможности, газовый, нефтяной секторы экономики, где теплится жизнь. Далее. Посмотреть на другие отрасли: финансовую, сельскохозяйственную и др., что мы можем здесь сделать и где мы можем избежать ошибок.

Что я подразумевал бы под ошибками? Сегодня порядка 15 млн. т нефти – господин Лембергс, возможно, будет говорить, что где-то до 20 %, но я все-таки считаю, что около 15 % нашего нефтяного экспорта идет через Вентспилс. Вчера нашим правительством было сделано очень здравое заявление относительно необходимости балтийской трубопроводной системы. Нет, думаю, нужны и Санкт-Петербургские порты, и Приморск, бухта Батарейная и так далее.

Но помимо этого я хотел бы, чтобы наш форум рассмотрел вопрос экономической цены этих вещей. Потому что одно дело сценарий, когда вы действительно уходите от нас в НАТО и военные, как было вчера сказано, начинают свой мобилизационный план. При этом велика вероятность, что нефть действительно будет пущена в обход Балтии.

В отношении торгово-экономических проблем. Давайте, как экономисты приготовим свой план, представляющий реальную картину, – где будет сказано, что существуют вот такие-то возможности перекачки через Вентспилс, включая Клайпеду и Бутинге. Кажется, 4 млн. т, здесь меня коллеги, наверное, поправят, – если включая Муугу в Эстонии, то еще, примерно, 2 млн. т.

Надо объективно посмотреть – сколько это стоит России и российским предпринимателям. Что это дает Латвии? Если это, по-прежнему, интересно той и другой стороне, то давайте посмотрим, что будет, если мы вложим огромные деньги в то, что сейчас развивается на Балтике.

Уверен, что политически это тоже важно. Это дает рабочие места россиянам. Это дает заработать российским предпринимателям. Давайте посчитаем все. И, может быть, какие-то аргументы перевесят. Возможно, определенная диверсификация и свободная

конкуренция на этом рынке как раз и вписывается в здравую интеграцию России в свое непосредственное окружение и в европейское пространство.

Конечно, перспективы строительства Приморска с целью прокачки 20 млн. т мощности – план хороший. Но мы все знаем, что Вентспилс не замерзает, а Финский залив замерзает на 160 суток. И лед там, приличный, что требует постоянного применения ледокольного транспорта.

Поэтому я призываю вас, и хотел бы сказать об этом заранее, обсудить эту тему отдельно. Она очень интересная. И приглашаю, как соучредитель Балтийского форума, который сегодня здесь проводится, в ноябре собраться всем заинтересованным в этой тематике – предпринимателям и экономистам, в Санкт–Петербурге и провести очень открытый диалог, реально посчитать и посмотреть имеющиеся возможности.

Следующий блок, который, по–моему, нам будет необходимо обсудить. Ясно, что Латвия сделала свой выбор. И приоритетом ее развития является интеграция в Европейское сообщество. С этой точки зрения, в новых условиях, отношения России и Латвии приобретают особый смысл с точки зрения транспортной системы.

Насколько я понимаю, Латвия полноценно будет пытаться участвовать в системе – ВИА–Балтика. С 1994 года этот план, я так думаю, развивается собственным темпом. Со строительством нового моста на севере Европы открывается возможность для спрямления наших транспортных потоков на европейский континент и обратно.

Перспективы для развития мультимодального коридора Запад – Восток очень большие. Объемы грузопотоков трудно переоценить.

Но специфика ситуации в том, что Россия сама рассматривает для себя приблизительно такую же роль. Исторически по Волге из Астрахани до Санкт–Петербурга поток иранских, турецких, всех остальных товаров был таков, что это давало жить даже в полном развале российской постсоветской экономики всему этому региону. И там лежат существенные интересы значительных групп людей, завязанные на этот коридор. Одно другому совершенно не мешает. Но я не слышал ни об одном плане сопряжения транзитного пути традиционно существовавшего, скажем, по Волге, с вновь создающимся мультимодальным коридором. Думаю, что совместными усилиями нам удастся сделать непредвзятый анализ сложившейся ситуации.

При мне, в 1994 году, мы первый раз стали говорить с крупными немецкими предпринимателями о дороге Берлин–Минск–Москва и дальше, но пока, конечно, проект неподъемный. Это второй вопрос, который капитально придется обсуждать интеграторам с двух сторон.

Я не хотел бы сейчас говорить обо всем комплексе конкурентной борьбы, которая будет возрастать вокруг российской нефти на северо–западе России, в Приобском и Каспийском бассейне. Тут роль Латвии очень высока и составляет часть того вопроса, который мы, наверно, обсудим в Санкт–Петербурге. Нас, как участников Балтийского форума, не может оставлять равнодушными большой скандинавский или северный проект, который называется «Северное измерение». Там есть целый ряд моментов, которые настораживают.

В «Северном измерении» финны, используя свою политкорректность, устраивают, за внешней очень конструктивной оболочкой развития региона в целом, свои конкретные интересы в области экспорта, импорта, прокачки и т. д. через свои порты, через свои территории и собственными силами. При этом они встречают доброжелательный прием в Москве, в силу объективных и понятных вам причин.

Конечно, когда к высокопоставленному, обличенному всеми полномочиями, российскому чиновнику, приходят представители благожелательно расположенного к нам финского правительства и делают предложения от имени бизнеса, то чиновнику всегда просто найти рациональные доводы для поддержки этого предложения перед президентом. И это будет лишь еще одним доказательством, что политика не может не вторгаться в большой бизнес, как бы мы ни хотели его свести только к соображениям рациональности.

Прочитав газеты, которые дали мне сегодня утром, я тоже понял, что надо нам, как предпринимателям, как людям, интересующимся экономикой наших стран, изложить аргументы за интеграцию Латвии и России в ЕС, за взаимовыгодные проекты, которые очевидны в силу исторических и географических причин. Построив нашу аргументацию, проверив ее в ходе дискуссий, можно всегда придти к консенсусу на основе цифр и доводов, а полученные аргументы изложить правительствам и политическим кругам наших двух стран и составить то самое лобби добрососедства, которое испокон веков

составляли ганзейские купцы. Эти люди, жившие на территориях по периметру Балтийского моря, и были теми послами доброй воли, которые вели к интеграции.